

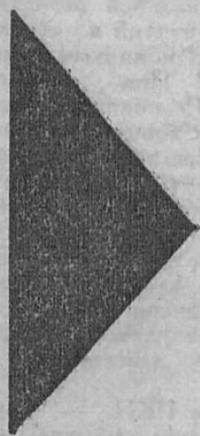
ЕСТЬ в этом спектакле одна особенность, благодаря которой перестаешь обращать внимание на просчеты постановки и просто веришь всему, что эти ребята говорят со сцены. Особенность эта — искренность, часто счастливо заменяющая профессионализм, часто придающая спектаклю интонацию, при которой кончается рассказ театра залу и начинается разговор театра со зрителями. Наступит момент, и зрительный зал будет превращен в зал заседаний. И трибуна, с которой Егор Полушкин обратится к людям, будет вынесена в этот зал. Но это лишь внешнее приближение к зрителям; внутренняя же близость возникает благодаря постоянному желанно исполнителей поделиться с вами своими заботами, своими размышлениями.

Театр-студия ЛИИЖТа. Спектакль «Не стреляйте в белых лебедей!» по повести Б. Василь-

перед великолепием мира Егора. Глаза Егора все время устремлены куда-то вдаль задумчиво и восторженно. И более радостно, чем глаза его сына Кольки.

Когда на сцене появляются настоящие дети, это всегда пасторализует: не так уж много режиссеров, умеющих работать с детьми в театре. В спектакле студии исполнение Тапай Малышницкой роли Кольки стало едва ли не главной удачей. Она не декламирует заученные фразы, она каждую минуту точно чувствует все, что происходит в ее герое, слова идут будто от нее, Колькиной повелительницы, так же, как и он, озабоченной многими проблемами. «Значит, мы счастливы, тятя?» — спрашивает отца Колька. Для Егора даже и вопроса такого не встает, он счастлив прочно и постоянно.

В сценическом Кольке есть то же упоение жизнью, он зорко смотрит в мир, но в отличие от отца видит в нем не только добро, но и жестокость. У него своя

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЧТЫ

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ева (постановка В. Малышницкого, музыка А. Мирочника).

Театр, решившийся на инсценировку, неизбежно обрекает себя на массу трудностей: без непосредственного авторского голоса действие может стать рваным и нелогичным, а образы — лишеными многих психологических мотивировок. Перед театром, взявшимся за инсценировку, всегда встает вопрос о равноценной подмене прозаической интонации ее сценическими эквивалентами. Театру-студии ЛИИЖТа это в значительной степени удалось.

Лестницы из светлых березовых стволов. Сколоченные по две, они превращаются в шалаши. Постановочные в ряд шалаши образуют деревенскую улицу. Опрокинутая крышами вперед улица становится лодочной станцией. В беспорядке брошенные лодки оказываются порубленным лесом. Попрямленный лес, поднятый заботливыми руками Егора, выстраивается в большой шалаш, где впервые возникает у героя душевная близость с окружающими его людьми — Нонной, Юрием Петровичем.

Чистый, цельный березовый мир. И речь в спектакле идет о чистоте и цельности человеческой, о том, достоин ли человек быть «даром этой природы» или, что еще более важно, называться «старшим сыном ее».

Егор Полушкин в исполнении В. Халифа в прямом смысле «не от мира сего». Он не жилец в этом далеко не совершенном мире, как не жильцы в браконьерском лесу рыжие «мурашки», сожженные веселыми туристами.

Глухо, сильно и однообразно бьет топором по бревну Федор. Летает по березовым «лесам» Егор. Мы почти не слышим звука ударов, а только видим, как топор плавно взлетает в руках «бедоносца», лишь изредка слегка прикасаясь к стволам.

В этой сцене — вся разность не только натур, но и мировосприятия героев, их правд: здравого житейского смысла Федора (А. Мирочник) и постоянного восторга

правда, и если Егор, не разбираясь, направо и налево раздаривает себя людям, то Колька сначала пристально всматривается в того, кто стоит перед ним. Он защищеннее Егора и поэтому жизнеспособнее. В нем — реальное продолжение Егоровой мечты.

Ситуация спектакля не сводится к обличению прозаического и воспеванию поэтического взгляда на жизнь. Так, пожалуй, было бы, не существующий на сцене Харитина (Л. Кувшинова).

Егор появляется на сцене, перебиваясь с птицами, Харитина — голоса. Ее постоянный вопль, крик уставшей от скудной жизни, измученной женщины — единственный, но пронзительный укор светлым Егоровым фантазиям. Харитина и рада бы послушать птиц, да не пускает жизнь, дом, забота о завтрашнем дне. И в этом ее правда и правота.

Отношения Федора, Егора, Харитины и Кольки так значительны, что становится лишней (как и в повести) история любви Нонны и Юрия Петровича. Она не вносит в разговор ничего нового.

Умышленно рассказ о спектакле был пачат с актеров. Именно в них — главная удача режиссера и инсценировщика В. Малышницкого. В умении разбудить исполнительскую свободу и искренность, в способности донести до зрителей основную тему спектакля — мечту о хорошем человеке, настоящем, «старшем сыне природы».

М. ДМИТРИЕВСКАЯ,
студентка Института театра,
музыки и кинематография